

Plate I Part I

Hogel
P Mincan
I Good Fortune
I Naffow
SUNDA
Sillabar
Straits of Sunda

Blefuseu
Lilliput.
Discovered A.D. 1699.

Dread Land

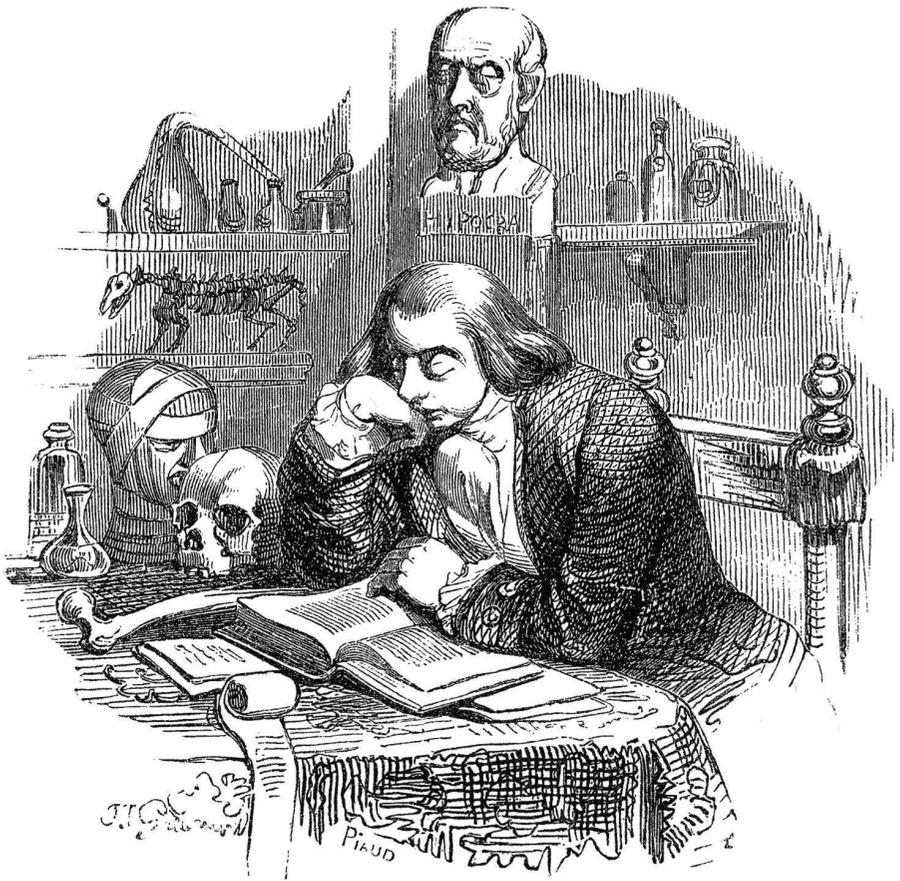
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛИПУТИЮ

Глава первая

Автор сообщает кое-какие сведения о себе и о своём семействе. Первые побуждения к путешествиям. Он терпит кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят в глубь страны.

Я уроженец Ноттингемпшира, где у моего отца было небольшое поместье. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, отец послал меня в колледж Имманьюеля в Кембридже. Там я пробыл три года, прилежно занимаясь науками. Однако отцу было не по средствам дольше содержать меня в колледже, поэтому он взял меня оттуда и отдал в учение к выдающемуся лондонскому врачу мистеру Джеймсу Бейтсу, у которого я провёл четыре года. Все деньги, какие изредка присылал мне отец, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики. Эти науки всегда могли пригодиться в путешествии, а я был убеждён, что судьба предназначила мне сделаться путешественником. Покинув мистера Бейтса, я возвратился домой, в Ноттингемпшир. При

поддержке отца, дяди Джона и других родственников мне удалось собрать сорок фунтов, и я решил отправиться для продолжения образования в Лейден. Родные обещали высылать мне каждый год тридцать фунтов.

В Лейдене я в течение двух лет и семи месяцев изучал медицину, зная, что она мне пригодится в далёких путешествиях.

По возвращении из Лейдена я с помощью моего доброго учителя мистера Бейтса устроился хирургом на судно «Ласточка», которым командовал капитан Эйбрехем Пеннелл. На этом судне я прослужил три с половиной

года и совершил несколько путешествий в Левант¹ и другие страны. Вернувшись на родину, я решил поселиться в Лондоне. Мистер Бейтс вполне одобрил моё решение и рекомендовал меня нескольким пациентам. Я снял часть небольшого дома на Олд-Джури и, по совету друзей, женился на мисс Мери Бёртон, второй дочери мистера Эдмонда Бёртона, чулочника с Ньюгет-стрит, за которой взял четыреста фунтов приданого.

Спустя два года мой добрый учитель Бейтс умер; мой заработок сильно сократился. Друзей у меня было мало, а совесть не позволяла мне подражать дурным приёмам многих моих собратьев по профессии. Вот почему, посоветовавшись с женой и с некоторыми знакомыми, я решил снова сделаться моряком. В течение шести лет я служил судовым хирургом, переменил два корабля и совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию. На этой службе я несколько поправил свои дела.

Уходя в плавание, я всегда запасался большим количеством книг и всё свободное время посвящал чтению лучших писателей, древних и новых, а высаживаясь на берег, наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык. Благодаря хорошей памяти это давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий оказалось не очень удачным. Море мне надоело, и я решил остаться дома с женой и детьми. Я переехал с Олд-Джури на Фегтер-Лейн, а оттуда в Уоппинг, рассчитывая получить практику среди моряков, но мои расчёты не оправдались. После трёх лет бесплодных ожиданий я принял выгодное

¹ Левант — общее название территорий Сирии, Палестины, Израиля и Ливана.

предложение капитана Вильяма Причарда, владельца «Антилопы», отправиться с ним в Южное море¹.

Мы отплыли из Бристоля 4 мая 1699 года. Вначале наше путешествие было очень удачно. Попутные ветры быстро несли нас вперёд, и вскоре мы взяли курс на Ост-Индию. Но как раз в это время разразилась страшная буря. Ураган отнёс нас к северо-западу от Вандименовой Земли². Мы находились на 30°2' южной широты. Двенадцать человек из нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи, остальные были очень изнурены. 5 ноября (начало лета в тех местах) сильный ветер продолжал гнать нас вперёд и вперёд; стоял густой туман. Внезапно на расстоянии какого-нибудь полукабельтова³ от корабля показались буруны. Страшный порыв ветра подхватил корабль и помчал на скалу; предпринимать что-либо было поздно. Корабль налетел на камни и мгновенно разбился.

Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить шлюпку и отъехать от корабля и скалы. По моему расчёту, мы прошли на вёслах только около трёх миль⁴. Последние дни всем нам пришлось так много работать на корабле, что теперь мы были не в силах грести дальше. Мы побросали вёсла и отдались на волю волн. Через полчаса налетевший с севера шквал опрокинул нашу лодку. Не знаю, что случилось с моими спут-

¹ Южное море — старинное название южной части Тихого океана.

² Вандименова Земля (Земля Ван-Димена) — прежнее название острова Тасмания, расположенного к юго-востоку от Австралии.

³ Полукабельтов — английская морская мера длины. Один кабельтов равен 183 метрам.

⁴ Имеется в виду морская миля, равная 10 кабельтовым, или 1830 метрам.

никами, находившимися в лодке, а также с теми, кто искал спасения на скале или остался на корабле. Думаю, что все они погибли.

Сам я, очутившись в воде, поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и течением. Несколько раз я пытался нащупать дно. Наконец, когда я уже почти совсем выбился из сил и не мог больше бороться с волнами, я почувствовал под собою землю.

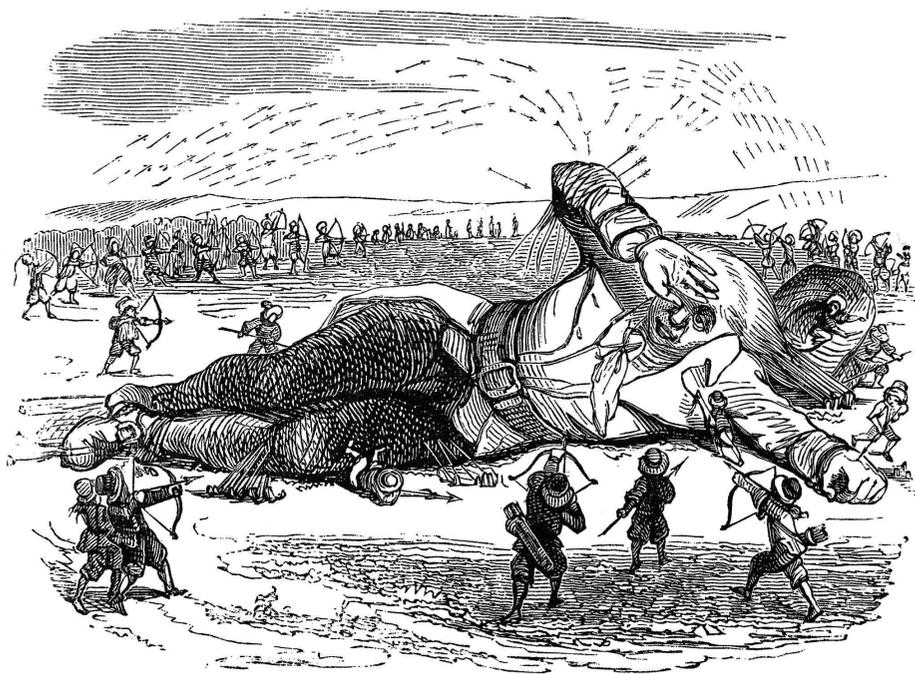
К этому времени и буря стала заметно стихать. Дно оказалось настолько отлогим, что мне пришлось брести по воде добрую милю, прежде чем я достиг берега. Было уже, должно быть, около восьми часов вечера. Я прошёл в глубь страны на полмили, но нигде не мог найти никаких признаков домов или жителей. От усталости, жары и полупинты¹ грога, которую я выпил, покидая корабль, меня сильно клонило ко сну. Я лёг на траву, очень низкую и мягкую, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

¹ Пинта — английская мера жидкости, около 1/2 литра.

По моему расчёту, сон мой продолжался не менее девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог пошевелиться. Мои руки и ноги — а я лежал на спине — были прочно прикреплены к земле. Точно так же были притянуты к земле мои длинные и густые волосы. Вместе с тем я чувствовал, что всё моё тело от подмышек до бёдер перетянута множеством тонких шнурков. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его слепил мне глаза. Я слышал какой-то смутный шум, но, лёжа на спине, не мог видеть ничего, кроме неба.

Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, осторожно пробралось мне на грудь и приблизилось к подбородку. Опустив глаза, я различил перед собой человека ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, что за ним следует ещё по крайней мере около сорока подобных ему созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что, соскакивая с меня на землю, некоторые из них получили ушибы. Однако они скоро вернулись. Один смельчак рискнул подойти так близко к моему лицу, что мог видеть его целиком. В знак изумления он поднял руки, закатил глаза и крикнул пронзительным, но чётким голосом: «Гекина дегуль!» Другие несколько раз повторили эти слова, но тогда я ещё не знал, что они значат.

Всё это время, как читатель легко может себе представить, я лежал в самой неудобной позе. Наконец, после некоторых усилий, мне удалось порвать верёвочки, опутывавшие мою левую руку, и выдернуть из земли колышки, к которым они были прикреплены. Я поднёс руку к глазам и тут только понял, на какие хитрости они пустились, чтобы связать меня.

Резким движением головы, что причинило мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы с левой стороны. Теперь я мог повернуть голову на два дюйма вправо. Но маленькие создания снова разбежались, и я не успел поймать ни одного из них.

Вслед за тем раздался пронзительный крик многих голосов. Когда он затих, я услышал, как кто-то громко воскликнул: «Только фонак!» В то же мгновение я почувствовал, как больше сотни стрел впилось в мою левую руку. Они кололи меня, как иголки. Тотчас последовал новый залп. Теперь они стреляли в воздух, как у нас в Европе стреляют бомбами. Полагаю, что на моё тело (хотя я этого не почувствовал) обрушился целый град стрел. Несколько попало мне в лицо, которое я поспешил прикрыть рукой. Я застонал от досады и боли

и сделал новую попытку освободиться. Но эти создания дали третий залп, ещё более сильный, чем первый; некоторые из них стали колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволового кожи, которую они не могли пробить.

Я рассудил, что благоразумнее всего пролежать спокойно до наступления ночи. В темноте мне нетрудно будет освободиться при помощи левой руки. Я имел все основания думать, что если все обитатели этой страны такой же величины, как те, которых я видел, то я легко справлюсь с любой армией, которую они могут выставить против меня.

Однако судьба распорядилась мной иначе. Убедившись, что я лежу спокойно, люди эти перестали стрелять, но по доносившемуся шуму я догадался, что число их возросло. Справа от меня, прямо против моего уха, раздавался какой-то стук, словно неподалёку что-то строили. Стук этот продолжался более часа. С большими усилиями я повернул голову в ту сторону и ярдах¹ в четырёх от себя увидел помост высотой примерно в полтора фута. На этом помосте могло поместиться три-четыре туземца. Один из них, по-видимому, знатная особа, взобрался туда в сопровождении свиты из трёх человек и обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял.

Следует упомянуть, что, прежде чем начать говорить, этот вельможа трижды крикнул: «Ленгро дегиль сан!» Услышав эти слова, человек пятьдесят туземцев тотчас приблизились ко мне и перерезали верёвочки, прикреплявшие мои волосы с левой стороны. Это дало мне возможность повернуть голову направо и подробно рассмотреть внешность и жесты говорившего.

¹ Ярд равен 91,4 сантиметра.

На вид ему было лет сорок; ростом он значительно превосходил своих спутников. Один из них — чуть побольше моего среднего пальца, по-видимому паж, — держал его шлейф, а двое других стояли по сторонам. Он говорил как настоящий оратор. В некоторых местах его речи звучали угрозы, в других — обещания, жалость и благосклонность. Я отвечал кратко, но с самым покорным видом и в заключение поднял левую руку и глаза к солнцу, словно призывая его в свидетели. Я почти умирал от голода (в последний раз я ел на корабле за несколько часов до крушения), поэтому я не мог сдерживать своего нетерпения и, вопреки правилам приличия, поминутно подносил палец ко рту, желая этим показать, что хочу есть.

Гурго (так они называют вельмож, как я узнал впоследствии) отлично меня понял. Он сошёл с помоста и приказал приставить к моим бокам несколько лестниц. Более сотни туземцев, нагруженных корзинами с различными кушаньями, взобрались по этим лестницам и направились к моему рту.

Кушанья были доставлены сюда по повелению монарха, как только до него дошло известие обо мне. Они были приготовлены из мяса различных животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Тут были лопатки, окорока и филейные части, с виду напоминавшие бараньи, но размером меньше крылышек жаворонка. Я клал их в рот по две-три штуки сразу и заедал тремя караваемы хлеба, каждый величиной не более ружейной пули. Человечки прислуживали мне весьма расторопно и тысячью знаков выражали своё удивление моему росту и аппетиту.

Насытившись, я сделал знак, что хочу пить. Это был смыслённый и изобретательный народец. По количеству

съеденного мной они заключили, что малым меня не удовлетворить, и необычайно ловко втащили на меня с помощью веревок одну из самых больших бочек, подкатали её к моей руке и вышибли дно. В бочке вмещалось не больше полупинты вина, и я выпил её залпом. Вино напоминало лёгкое бургундское, но было гораздо приятнее на вкус. Они принесли мне вторую бочку, которую я осушил таким же образом и знаками потребовал ещё, но больше у них не оказалось.

Когда я проделал эти чудеса, человечки завопили от радости и пустились в пляс у меня на груди, всё время повторяя своё первое восклицание: «Гекина дегуль!» Они знаками предложили мне сбросить обе бочки на землю, но сначала громкими криками «Борач мивола!» предупредили стоявших внизу, чтобы те посторонились. Когда бочки взлетели на воздух, раздался дружный крик: «Гекина дегуль!»

Признаться, меня не раз брало искушение схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они расхаживали взад и вперёд по моему телу, и швырнуть их на землю. Но память о том, что мне уже пришлось испытать — они, вероятно, могли причинить мне ещё больше неприятностей, — и слово чести, которое я им дал — ибо я так толковал выказанную мной покорность, — скоро прогнали всякие помыслы об этом. Кроме того, я считал себя связанным законом гостеприимства с народом, который не пожалел затрат и устроил мне такое великолепное угощение.

Во всяком случае, я не мог надивиться неустрашимости этих крошечных созданий. Я должен был казаться им каким-то гигантским чудовищем, а они смело взбирались на меня и разгуливали по всему телу, не обращая

никакого внимания на то, что у меня одна рука свободна.

Спустя некоторое время передо мной предстала высокопоставленная особа — посол его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою ногу, проследовал к моему лицу в сопровождении многочисленной свиты. Он предъявил мне свои верительные грамоты¹ с императорской печатью, поднеся их к моим глазам, и обратился ко мне с речью. Посол говорил минут десять без всяких признаков гнева, но с видом непреклонной решимости. При этом он часто показывал рукой куда-то в сторону. Как я узнал позднее, речь шла о том, что его величество вместе с государственным советом постановили перевезти меня в столицу, находившуюся на расстоянии полумили отсюда.

В ответ на его речь я произнёс несколько слов, но их никто не понял. Тогда я прибегнул к помощи знаков. Я прикоснулся свободной рукой к другой руке, а затем к голове и к телу, показывая этим, что я желаю получить свободу. По-видимому, его превосходительство хорошо понял смысл этих жестов, потому что покачал отрицательно головой и знаками объяснил мне, что меня повезут как пленника. Однако он дал понять, что обращаться со мной будут хорошо.

Тут я снова подумал, не попытаться ли мне разорвать мои узы. Но жгучая боль лица и рук, покрытых волдырями от вонзившихся в кожу стрел, заставила меня отказаться от этого намерения. К тому же я заметил, что число моих неприятелей непрерывно возрастает. Поэтому я знаками дал понять, что они могут поступать

¹ Верительные грамоты — документы, свидетельствующие о назначении дипломатического представителя в иностранную державу.

со мной, как им угодно. После этого гурго и его свита весьма учтиво мне поклонились и удалились, заметно повеселев.

Вскоре послышались восторженные крики, среди них часто повторялись слова: «Пеплом седан». Внезапно я почувствовал, что толпа стороживших меня туземцев ослабила державшие меня слева верёвки, так что я мог повернуться на правый бок. Ещё раньше мои лицо и руки смазали какой-то приятно пахнувшей мазью, которая сразу же успокоила жгучую боль, причинённую стрелами. Я успокоился, и меня потянуло ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов. В этом не было ничего удивительного, так как по приказанию императора врачи подмешали в бочки с вином сонного зелья.

По-видимому, дело обстояло так: едва император получил донесение обо мне, он в согласии с советом отдал распоряжение, чтобы меня немедленно связали (это было исполнено ночью, пока я спал). Он повелел также накормить меня, когда я проснусь, и приготовить машину для перевозки меня в столицу.

На первый взгляд такое решение может показаться чересчур смелым и опасным. Я уверен, что ни один европейский монарх не рискнул бы поступить таким образом.

Однако, по моему мнению, распоряжение императора было столь же благоразумным, как и великодушным. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы убить меня во время сна. При первом жепадении я бы непременно проснулся от боли и мог прийти в такую ярость, что сразу разорвал бы верёвки и, в свою очередь, напал бы на них. Вполне понятно, что они не могли ожидать от меня пощады.

Люди эти — превосходные математики и благодаря поддержке и поощрению императора, известного покровителя наук, достигли большого совершенства в механике. В распоряжении этого монарха имеются разные машины на колёсах для перевозки брёвен и других больших тяжестей. Здесь принято строить самые крупные военные корабли — до девяти футов длины — в местах, где растёт строевой лес. Затем их поднимают на эти машины и перевозят к морю.

Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно приготовить самую большую из таких машин. Приказ был выполнен в кратчайший срок. Не прошло, кажется, и четырёх часов, как я выбрался на берег, а машина уже отправилась за мной. Её прибытие к месту, где я находился, народ встретил радостными криками. Это была деревянная платформа, возвышавшаяся на три дюйма над землёй, около семи футов в длину и четырёх в ширину, на двадцати двух колёсах. Её поставили возле меня параллельно моему туловищу.

Главная трудность заключалась в том, чтобы поднять и уложить меня на платформу. С этой целью вбили восемьдесят столбов, каждый вышиной в один фут, потом рабочие обвязали мою шею, руки, туловище и ноги бесчисленными повязками с крючками; к этим крючкам прицепили крепкие канаты толщиной с упаковочную бечёвку и перекинули их через блоки, насаженные на столбы. Девятьсот самых сильных рабочих принялись тянуть за канаты, и таким образом меньше чем в три часа меня подняли на повозку и крепко привязали к ней.

Всё это мне рассказали позже. Благодаря снотворной микстуре я был погружён в глубокий сон и не чувствовал, что со мной делают.

Понадобилось полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, каждая вышиной в четыре с половиной дюйма, чтобы донести меня до столицы, которая, как я уже сказал, отстояла на полмили.

Мы были в дороге часа четыре, когда меня разбудило забавное происшествие. Повозка остановилась для какой-то починки. Воспользовавшись этим, два или три молодых туземца захотели взглянуть, какой у меня вид, когда я сплю. Они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу. Один из них, гвардейский офицер, довольно глубоко засунул мне в левую ноздрю острие пики. Я громко чихнул, как от прикосновения соломинки, и проснулся. Храбрецы незаметно скрылись. Только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения.

Мы провели в дороге весь день. На ночлеге по бокам моей повозки было поставлено около пятисот гвардейцев. Половина из них держала факелы, остальные стояли с луками наготове, чтобы стрелять в меня при первой моей попытке подняться.

С восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню были в двухстах ярдах от городских ворот.

Император со всем своим двором выступил нам навстречу, но высшие сановники решительно воспротивились тому, чтобы его величество подвергал свою особу опасности, поднявшись на меня.

Повозка остановилась возле древнего храма, который считался самым большим во всём королевстве. Несколько лет тому назад в этом храме было совершено ужасное убийство. Местное население, отличающееся большой набожностью, сочло храм осквернённым и перестало посещать его. Храм закрыли, вынесли из него всю утварь и украшения, и он долгое время стоял пустым. В нём-то и решено было поместить меня.

Выходившие на север двери этого здания имели около четырёх футов в высоту и около двух футов в ширину, так что я довольно легко мог в них пролезть. По обе стороны дверей, на высоте всего шести дюймов от земли, было два окошка. Сквозь левое окошко придворные кузнецы пропустили девяносто одну цепочку толщиной с часовые цепочки у европейских дам и замкнули их на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками. По другую сторону большой дороги, прямо против этого храма, стояла башня высотой не менее пяти футов. Император в сопровождении первых сановников поднялся туда, чтобы получше разглядеть меня. С этой же целью возле храма перебивало, как показал специальный подсчёт, свыше ста тысяч горожан. Думаю, что не менее десяти тысяч из них взбирались на меня. Но вскоре был издан приказ, запрещающий это под страхом смертной казни.

Закончив свою работу, кузнецы перерезали связывавшие меня верёвки, и я поднялся в таком печальном расположении духа, какого не испытывал никогда в жизни.

Шум и изумление толпы, наблюдавшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепь, к которой я был прикован, была длиной около двух ярдов, и я имел возможность не только прохаживаться взад и вперёд, описывая полукруг, но и заползть в храм и лежать в нём, вытянувшись во весь рост.

Глава вторая

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож посещает автора. Описание наружности и одежды императора. Учёным поручают обучить автора языку лилипутов. Своим кротким поведением он завоёвывает благосклонность императора. В карманах автора производят обыск. У него отбирают саблю и пистолеты.

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не случалось видеть такого забавного и интересного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом; огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесами площадью в полстанга¹; самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов высоты. Налево лежал город, имевший вид театральной декорации.

Пока я любовался этой необычайной картиной, император спустился с башни и направился ко мне верхом на лошади. Он едва не поплатился очень дорого за такую смелость. При виде меня лошадь испугалась и взвилась на дыбы; должно быть, ей показалось, что на неё движется гора. Император был превосходным наездником и удержался в седле. Тут, к счастью, подоспели слуги. Они схватили бившегося коня под уздцы и помогли его величеству сойти. Император сохранял полное спокойствие. Оправив костюм, он принялся внимательно оглядывать меня со всех сторон. Он приказал стоявшим

¹ Станг (от *нидерл.* steng, в русском произношении стёньга) — часть мачты корабля.

наготове поварам и дворецким подать мне есть и пить. Те подкатили тележки с пищей и вином на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял. В двадцати тележках находились кушанья, в десяти — напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась мной в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил её; так же я поступил и с остальным вином.

Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах, расставленных поодаль, но после приключения с лошадью все они встали и подошли к императору.

Теперь я постараюсь описать наружность его величества. Он почти на мой ноготь выше своих придворных; одного этого было довольно, чтобы внушать почтительный страх окружающим. Черты лица его были резки и мужественны; губы слегка вывернутые, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, руки и ноги красивой формы, движения грациозные, осанка величественная¹. Император не первой молодости — ему двадцать восемь лет и девять месяцев²; и он благополучно царствует уже семь лет. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лёг на бок, так что моё лицо пришлось как

¹ По замыслу автора, король Лилипутии должен был напоминать английского короля Георга I, находившегося у власти с 1714 по 1727 год. Из осторожности Свифт не решился придать лилипутскому королю портретного сходства с некрасивым и низкорослым Георгом, но зато распространил сходство на некоторые черты характера последнего. Подобно Георгу I, лилипутский король отличался большой скупостью и почти не вмешивался в дела правления, фактически передоверив заботы о государстве своим министрам.

² Дж. Свифт хочет подчеркнуть этим, что жизнь лилипутов менее продолжительна, чем жизнь обычного человека.

раз против него, причём он стоял на расстоянии всего трёх ярдов от меня. Впоследствии мне не раз случалось брать его на руки, и потому я не мог ошибиться в его описании.

Одежда императора очень скромная и простая; покрой её — нечто среднее между азиатским и европейским; на голове надет лёгкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером на шишаке. Опасаясь, как бы я не разорвал цепь, он на всякий случай держал в руке обнажённую шпагу. Длина шпаги достигала трёх дюймов, её золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог отчётливо его слышать.

Дамы и придворные были великолепно одеты. Их пёстрая толпа выглядела издали словно разостланная на земле пышная юбка, вышитая золотом и серебром¹.

Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами. Я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Тогда он приказал священникам и юристам (так я заключил по их костюму) из своей свиты вступить со мной в разговор. Я, в свою очередь, заговаривал с ними на всех языках, какие были мне знакомы: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, но все эти попытки не привели ни к чему.

Спустя два часа двор удалился, и я остался под сильным караулом — для охраны от дерзких, даже злобных

¹ Намёк на современные Свифту моды. Одежды аристократок начала XVIII века отличались необыкновенной пышностью, были расшиты золотыми и серебряными шнурами, унизаны драгоценными камнями. Одно такое платье нередко стоило целого состояния.

выходок черни, которая настойчиво стремилась протиснуться поближе ко мне. У некоторых хватило бесстыдства пустить в меня несколько стрел, пока я сидел на земле у дверей моего дома. Одна из них едва не угодила мне в левый глаз.

Рассерженный этими выходками, полковник приказал схватить шестерых зачинщиков. Чтобы наказать их, он решил передать их в мои руки. Солдаты, действуя тупыми концами пик, подогнали озорников ко мне. Я сгрёб их всех в правую руку, пятерых положил в карман камзола, а шестого взял и поднёс ко рту, делая вид, будто хочу съесть его живьём. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры сильно встревожились, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро они успокоились. Ласково глядя на моего пленника, я разрезал связывавшие его верёвки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, вынимая их по очереди из кармана. Я заметил, что караульные и толпа остались очень довольны моим милосердием. Мой поступок с обидчиками произвёл очень выгодное для меня впечатление при дворе.

С наступлением ночи я не без труда забрался в свой дом и лёг на голой земле. Так я проводил ночи около двух недель, пока по специальному приказанию императора для меня изготавливали матрац и другие постельные принадлежности. Привезли шестьсот матрацев обыкновенной величины, и в моём доме началась работа. Сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и таким образом получился один матрац, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой; но твёрдый каменный пол, на котором я спал, не стал от этого намного мягче. По такому же расчёту

были изготовлены простыни, одеяла и покрывала. Для человека, давно привыкшего к лишениям, и это было хорошо.

Едва весть о моём появлении пронеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться толпы богатых, досужих и любопытных людей, чтобы взглянуть на меня. Деревни почти опустели, полевые работы приостановились, домашние дела пришли в расстройство. Всё это могло бы окончиться весьма плачевно, если бы не мудрые распоряжения его величества. Он повелел всем,

кто уже видел меня, немедленно возвратиться домой; им было воспрещено вновь приближаться к моему жилищу на расстояние меньше пятидесяти ярдов без особого разрешения двора. Это распоряжение послужило для некоторых министров источником крупных доходов.

Посетив меня, император созвал совет, на котором обсуждался вопрос о том, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного знатного придворного, сделавшегося моим близким другом, что государственный совет долгое время не мог прийти к определённом решении. С одной стороны, боялись, чтобы я не разорвал цепи; с другой — возникали опасения, что моё содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Некоторые из членов совета настаивали на том, чтобы уморить меня голодом или же умертвить при помощи отравленных стрел. Однако это предложение было отвергнуто на том основании, что разложение такого громадного трупа может вызвать чуму в столице и во всём королевстве.

В самый разгар совещания у дверей большого зала совета появились несколько офицеров; двое из них были допущены в собрание и представили подробный доклад о моём поступке с шестью упомянутыми озорниками. Это произвело чрезвычайно благоприятное впечатление на его величество и весь государственный совет. Император немедленно издал приказ, который обязывал все деревни, находящиеся в пределах девяти-сот ярдов от столицы, доставлять каждое утро шесть быков, сорок баранов и другую провизию для моего стола вместе с соответствующим количеством хлеба и вина. За всё это уплачивалось по установленной таксе из собственной казны его величества. Следует заметить, что этот монарх живёт главным образом на доходы от

своих имений и только в самых исключительных случаях обращается за помощью к своим подданным.

Кроме того, при мне учредили штат прислуги в шестьсот человек. Император ассигновал на их содержание особые средства и распорядился раскинуть для них удобные палатки по обеим сторонам моего дома. Кроме того, был отдан приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона и чтобы шестеро самых выдающихся учёных занялись моим обучением местному языку. В заключение император распорядился, чтобы лошадей, принадлежащих императору, придворным и гвардии, по возможности чаще тренировали в моём присутствии с целью приучить их ко мне.

Все эти приказы были исполнены в точности. Спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостоивал меня своими посещениями и милостиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы могли уже объясняться друг с другом. Первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу. Слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. На мою просьбу император отвечал несколько уклончиво. Насколько я мог понять, он говорил, что для моего освобождения необходимо согласие государственного совета и что прежде всего я должен «люмоз кельмин пессо деемарлон эм-позо», то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, добавил он, моё освобождение есть только вопрос времени, и советовал мне терпением и скромностью заслужить доброе имя как в его глазах, так и в глазах его подданных.

Однажды он попросил меня не счесть за оскорбление, если он отдаст приказание особым чиновникам

обыскать меня. Он убеждён, что я ношу при себе оружие, которое, судя по огромным размерам моего тела, должно быть очень опасным. Я просил его величество не беспокоиться на этот счёт и заявил, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Всё это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведён двумя чиновниками.

«Разумеется, — сказал он, — я понимаю, что это требование закона не может быть исполнено без вашего согласия и помощи, но я такого высокого мнения о вашем великодушии и справедливости, что спокойно передам этих чиновников в ваши руки. Вещи, отобранные ими, будут возвращены вам, когда вы покинете эту страну, или же вам заплатят за них столько, сколько вы сами назначите».

Я взял обоих чиновников в руки и положил их в карманы камзола. Когда они закончили осмотр этих карманов, я переложил их в другие. Я показал им все карманы, кроме двух часовых и одного потайного, где лежало несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном — серебряные часы, а в другом — кошелёк с несколькими золотыми. Чиновники запаслись бумагой, перьями и чернилами и составили подробную опись всему, что нашли¹. Когда

¹ Здесь осмеивается деятельность тайного комитета, учреждённого главным министром Георга I Робертом Уолполом для борьбы с якобитами, то есть сторонниками свержения Георга I и возведения на престол «претендента» — сына Якова II Стюарта, короля, изгнанного из Англии во время революции 1688 года. Свифт с большим искусством описывает обыск Гулливера подозрительными, невежественными чиновниками, которые даже не сумели понять назначения найденных ими предметов, но зато обстоятельно их описали в своём протоколе.

опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю. Свою опись они представили императору. Позднее я перевёл её на английский язык. Вот она слово в слово:

«Тщательно осмотрев правый карман камзола великого Человека-Горы (так я перевожу слова «Куинбус Флестрин»), мы нашли там только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца вашего величества. В левом кармане оказался громадный серебряный сундук с крышкой из того же

металла, которую мы, досмотрщики, не могли поднять. По нашему требованию Человек-Гора открыл сундук. Один из нас вошёл туда и по колени погрузился в какую-то пыль. Эта пыль, поднявшись в воздух, заставила нас обоих несколько раз громко чихнуть.

В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых листов, сложенных вместе и перевязанных прочными канатами. Листы покрыты какими-то чёрными знаками. По нашему скромному предположению, эти знаки не что иное, как письмена; каждая буква равняется половине нашей ладони. В левом жилетном кармане оказался особый инструмент. Двадцать длинных кольев, вставленных в спинку инструмента, напоминают забор перед двором вашего величества. Мы думаем, что этим инструментом Человек-Гора расчёсывает свои волосы, но это только наше предположение. Мы избегали тревожить Человека-Гору вопросами, так как нам было очень трудно объясняться с ним.

В большом кармане с правой стороны средней крышки Человека-Горы (так я перевожу слово «ранфуло», под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб длиной в рост человека. Этот столб прикреплён к куску твёрдого дерева, более широкому, чем сам столб; с одной стороны столба торчат большие куски железа весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена и в левом кармане. В малом кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла различной величины. Иные из белых дисков так велики и тяжелы, что мы вдвоём едва могли

поднять их. По-видимому, они изготовлены из серебра.

В левом кармане мы нашли две чёрные колонны неправильной формы. Стоя на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать рукой до их верхушки. В каждую колонну вставлена огромная стальная пластина. Полагая, что это опасные орудия, мы потребовали у Человека-Горы объяснить их употребление. Вынув оба орудия из футляров, он сказал, что в его стране одним из них бреют бороду, а другим — режут мясо.

Кроме того, на Человеке-Горе оказалось ещё два кармана, куда мы не могли проникнуть. Человек-Гора называет эти карманы часовыми. Это две широкие щели, прорезанные в верхней части его средней покрышки и сильно сжатые давлением его брюха. Из правого кармана спускается большая серебряная цепь; она прикреплена к диковинной машине, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть эту машину; она оказалась похожей на шар; одна половина её сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла. Заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, мы попробовали прикоснуться к ним; наши пальцы упёрлись в это прозрачное вещество. Человек-Гора поднёс эту машину к нашим ушам, и мы услышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Мы лично склоняемся к последнему мнению, потому что Человек-Гора сказал нам (если мы правильно поняли его слова), что он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он